

*Глава вторая*  
Была ты мне  
каторгой горькою,  
Родиной стала второй...



А по дорогам воспалённым  
куда-то дальше, за Тохту,  
всё гнали страшные колонны,  
растянутые на версту.

Ещё смотрел с надеждой кто-то  
в мучительном движеньи ног:  
вдруг да мелькнёт за поворотом  
вдали селенья огонёк.

И пусть косится станут бабы  
на истомлённых «кулаков»,  
вдохнуть, пусть издали хотя бы,  
тепло семейных очагов.

Но карусель всё ту же кружит:  
снега-леса, леса-снега.  
Молчит конвой. И топчет лужи  
в разбитой обуви нога.

Пуста дорога. Снег липучий.  
Ни огонька, и жди - не жди.  
Лишь мысль одна на всех идущих:  
Дойти... дойти... дойти... дойти...

*Мария Игнатьевна ПРИЛУЦКАЯ,  
с. Яренск:*

**«Никогда не падала духом.  
Потому и выжила»**

Я сама из Витебской области. Жили на крестьянстве, занимались хозяйством, работали день и ночь. После того, как в двадцать девятом году умер отец, хозяином дома стал брат, потому что мама очень больная была. И была ещё сестра, так мы вчетвером жили до тридцатого года. А в тридцатом году стали нас выселять, всё позабирали: и хозяйство, и дом. Брата арестовали, без всякой причины. Он сидел в районной тюрьме. Потом его отправили в Полоцк, а потом куда девался – ничего не знаем.

Подогнали к дому лошадь, посадили нас в повозку и увезли на станцию. Всё осталось дома: и скот, и вещи и всё-всё. Нам не позволили ни одежду, ни продукты взять с собой. Мы только выпросили мешок сухарей-то на дорогу да мяска немногого, остальное всё забрали. Всё описали:

– Это теперь не ваше, вам не принадлежит!

Отвезли на станцию. На станции погрузили в поезд, по сорок человек в вагон телячий. Привезли в Котлас, на Макариху, и там выбросили. Пока ехали, приносили какую-то еду: принесут, во что-то разольют. И с собой-то, конечно, что-то было. Мы около двух недель были в пути, потому что пятнадцатого марта нас посадили на поезд, а первого апреля мы уже с Котласа пешком пришли в Яренск.

На Макарихе остались семьи, а нас, рабочую силу, собрали назавтра же после приезда и сюда погнали. Мне двадцать лет было, поэтому меня тоже погнали. Мы шли по реке, дорога проходила прямо во льду Вычегды. В

марте уже таяло крепко, снежница<sup>1</sup>, ноги все в воде. Сапоги разорвались у меня, ноги сырье были, очень сильно мёрзли. Я едва добрела.

Народу шло очень много, по два человека в ряд — мы на целый километр, наверное, растянулись. Много народа гнали. Всех, которых привезли и кто работать мог, гнали сюда: кого в Уктым, кого в Пантый. Кого в Ледню, там тоже посёлок был.

Километров по тридцать, по сорок проходили за день. Ночевали в деревнях, были избы приготовлены для ночлега. Заранее ехал милиционер верхом и говорил:

— Не пускайте, не пускайте их в свои дома, это звери, убийцы идут.

А мы как останемся ночевать, молодежь как познакомится с нами, так не отпускает: оставайтесь с нами, понимаете? Так прямо плачут, кто молоко несут, кто что. Ой, как встречали, прямо не знаю. Очень хороший народ здесь, на Севере, такой душевный был. Теперь, конечно, всё изменилось. Теперь всех сюда навозили, вербованных да всяких, а здешние поуезжали многие отсюда. Теперь уже не то стало.

Болели в пути некоторые, мне тоже плохо стало дорогой. Так те, что шли со мной, под руки меня довели до деревни. А пришли в деревню, молока купили, вскипятили и напоили:

— Как-нибудь крепись, где ж ты останешься?

И так назавтра дошла. До Яренска.

Были конвойные, но они к нам нормально относились. У нас всё была молодежь, послушная, никто не задирался и ничего такого вредного не делал. К чему они будут придиরаться? Вообще милиция и НКВД здесь лучше к нам относились, чем свои же, палочники. Такие, знаете, каких покупали за буханку хлеба. А милиция, НКВД хорошо относились, не было никаких грубостей, издевательств, ничего. Потому что люди-то были очень покорные, никто никакого сопротивления не оказывал, ничего вредного никто не делал. Шли послушно.

Ничем не кормили в дороге. Так у кого какая копейка была припасена, купит молока в деревне. Или кто из местных жителей что-то давал.

В Яренск мы пришли первого апреля. В бане нас вымыли, по два ковшичка горячей водички выдали на человека. Такой Новоселов тут был, у него на четвертой улице дом был и на пятой еще был флигель новый построен, никто в нём не жил. Нас туда поместили. Переночевали, а назавтра погнали в Пантый. Пантый — сорок пять километров отсюда. Хлеба дали на дорогу, пятьсот грамм на день.

За день дошли в Пантый. Вечером поздно уже идём, темно. И думаем: когда ж тут деревня покажется. Смотрим: огонек один, как из-под земли.

Вот тебе и деревня! Конторка только одна стояла, потому что там раньше лесозаготовку вели местные колхозники. А для нас были шалаши построены. Просто вот такой шалаш, как у охотника: поставлены палки и накрыты ёлочками.

Как только пришли в Пантый, начали строительство посёлка около конторы. А километрах в трёх от неё, вверх по Яреньге, другой посёлок за-кладывали. Раскапывали туда дорогу, вот такой глубины снег был. Стали раскапывать от снега квадраты для бараков, а потом начали лес рубить. Сначала на лошади его возили, потом всё растаяло, мы на себе бревна таскали из лесу. И так – до весны.

Сплав леса начался, нас туда отправили. Два дня и три ночи с катающимися нас не отпускали, работали без отдыху. Бывало, так устанем, что сядем одна к одной, вздремнем. Десятник увидит, летит к нам с руганью:

– Эй, давай поднимайся, вставай!

Мы опять встаём. Скатываем. Тяжело было очень, знаете, да ещё без привычки. Но терпение и сила откуда-то брались.

Первое время в таких шалаших жили, очень холодно было. Потом барак построили, тоже мало лучше: нары сделаны сырье, в чём работаешь, в том и спать ложись. Ни бани, ни сушилки, вся одежда на себе сохла.

Мы всё лето там прожили. Посёлок строили, дорогу проводили до Яренска, мосты делали. А когда сделали дорогу, в середине лета, отправили меня в Уктым. Отправляли всех таких, у кого не было близких, кого некому было защитить.

Отправили в Уктым на кирпичный завод. Там тоже строили посёлок, это ещё двадцать пять километров за Пантами. Мы делали кирпичи, обжигали их, а потом эти кирпичи увозили в Уктым. Нужно было много дров для обжига, а они, знаете, такие, как шпалы из лесу, сырье.

Построили себе шалашик: угор был высокий, так мы в нём выкопали яму, поставили сверху палки, нарвали коры берёзовой и укрыли так, чтобы песок несыпался. Бани не было. За рекой от того места, где мы кирпичи делали, в глухом лесу была избушка. Мы один раз сходили туда, нашли какой-то большой котёл, нагрели в нём воды. Думаем: помоемся сейчас. Вдруг слышим: там такой стук и рёв! Это медведь пришёл, разрыл эту избушку, котёл опрокинул, мы сами чуть в лапы к нему не попались.

Совсем холодно стало, осень, а мы всё в этом шалаше живём. Мы втроем жили: со мной были одна девочка и её мать. Выпросили железную бочку, выбили дырку, где дрова класть, а сверху сделали дырочку, чтобы дым выходил. В эту яму её затащили. Натаскаем сухого хвороста, растопим «печку» и топим её всю ночь понемножку. А сами сидим около бочки, греемся.

Голодно жили, так летом насобираем щавель да всякой зелени, варим. А то смородины насобираем, много-много листьев, и густой отвар сделаем. Надо было чем-то желудок наполнять, вот эту жидкость и пили. Осенью наломаем рябины, у печки греемся и едим эту рябину с таким вкусом. Все ели.

Так до зимних морозов там и жили. А морозы в ту зиму сильные были, по пятьдесят градусов доходило.

Закончили кирпичи делать, нас отправили в Уктым. А там – общий барак, в котором полно народу, нары... Вшёл было сколько, что просто ужас один. Хоть лопатой их греби, потому что все сырье с работы в барак приходили, месяцами жили без бани.

И в первую же зиму такой страшный тиф сыпной разразился! Нарывы пошли по нам, по всему телу. Это от простуды. Сколько народу умирает, и представить страшно, особенно когда тифом заболели. Так, знаете, и на дороге, и в лесу, и в бараке лежали мертвые. Лежали в бараке, тут и умирали. Утром смотришь: то одного из барака за руки да за ноги выносят, то второго, третьего...

В Уктыме тогда даже фельдшера не было. Потом уже, когда посёлок построили, фельдшер появился. А сколько народу там в эти годы умерло, господи! И в Пантые, и в Уктыме переполнены были кладбища. Переполнены! А в Пантах же там, ой-ей-ей, какое большое кладбище, очень много народа было похоронено.

Так ведь только потом, гораздо позже, когда посёлок построили, понастоящему стали хоронили. А до этого – какие там гробы! Там под каждым кустом какой-нибудь закопанный был.

\* \* \*

Пошла работать в лес, я на возке тогда была. Это было в январе тридцать первого года.

Привезла бревно на катаще<sup>2</sup>. Наши вальщики были пожилые мужики. Свалили бревно, говорят:

– Что ты, девка, да на тебе лица нет. Иди к костру, погрейся.

У них костёр, подошла к нему. У меня рукавичка тёплая упала с руки упала, я даже не почувствовала. Была ещё перчатка, я стащила её, а у меня эта рука даже блестела, так пальцы замерзли. Они как стали мне руку растирать, так я и сознание потеряла.

А что делать, им же нельзя работу оставлять? Они подняли меня и на санки, на колоду, куда бревно укладывают, привязали. И пустили лошадь. Лошадь пошла-пошла из леса и к конюшне пришла. Конюх-то потом рассказывал:

— Я вышел, смотрю: женщина привязана. Думал сначала, что мертвая. Нет, смотрю, живая. Затащил в барак.

А вечером приехал ветеринар, он людей лечил. А как лечил — у всех тиф, а он одно говорил:

— Грипп... Воспаление легких... Грипп... Воспаление легких...

Ко мне подошёл, пульс пощупал, померил температуру: сорок один.

— Мортис!

По латыни — значит, уже умирает. А я в сознанье пришла, так тихонько ему отвечаю:

— Сам ты мортис!

Какое уж там лечение было: в одном бараке все больные лежали. А кормили как: паёк дадут, санитарка паёк тот получит. В ведре сварит пойло такое, знаете, рыбки кусочек да пшена немного бросит. Вот так.

Ой, я никогда духом не падала. Потому и выжила.

На посёлке к тому времени уже сколько-то было построено домов. Семьи привезли — всё занято. Я после болезни выписалась, а идти мне некуда.

Сижу на пороге и плачу. Приходит комендант:

— Чего плачешь?

Рассказала ему. Он видит, что я после болезни не работница, отправил меня в Яренск. Подводы как раз туда шли, погрузили меня на одну подводу и увезли. Тут у меня уже и мама, и сестра жили. Их в Яренск еще летом привезли. Здесь больных тифозных тоже много было, из деревень, из посёлков везли. Была деревянная тюремная церковь, там человек восемьдесят сыпно-тифозных лежало. Умирало много, на кладбище, где попало, там и валили.

Я помню, что когда у меня мама умерла, уже здесь мы жили, в Яренске, стали для неё могилу копать. Только немножко копнули — женщина лежит закопанная, прямо чуть ли не наверху. Мы не стали и трогать её, а пошли на другое место.

Сестра тоже переболела тифом. А потом, как она поправилась, её взяли завхозом в больницу: она бельем, питанием распоряжалась.

Я тут от радости поела досыта. Поела досыта, и у меня — возвратный тиф. Я чуть не умерла, так долго и очень тяжело болела. Рука загнилась, страшная такая стала. Мне хотели операцию сделать, отнять руку, но я не дала. Говорю:

— А как я буду на гитаре играть?

Я же на гитаре играла, даже в больнице потом оркестр организовала, когда здесь уже жили.

Потом в Доме пионеров музыкальный кружок вела. У нас дома, на родине, были инструменты: гитара, балалайка, цитра. У меня было два брата

и три сестры. Одна сестра умерла, а брат в гражданскую войну погиб. А когда они учились в гимназии, все хорошо играли на этих инструментах.

Слух у меня очень хороший, я любую мелодию на слух могла разучить. Позже, когда в Доме пионеров преподавала, я заведующую попрошу: вы мне пластинку прокрутите. Мандолину или гитару возьму, на слух разучу. Потом начинаем мелодию эту разучивать с ребятами.

Так вот видите, зажили пальцы, только короткие стали да уродливые.

Поправилась. А не работаю – и пайка нет. Как жить? Врач был Рудаков, ой, какой хороший человек! Он до войны тут работал, а в сорок первом его отправили на фронт. Взяли меня на работу в больницу. Санитарки пол вымоют, за больными постель перестелют, а я каждую ночь их подменяла, следила за больными: кому пить дать, кого раздеть. И всё с этой больной рукой, с обвязанной.

К тому времени ещё и костоедом заболела, это ж смертельная боль. И работала с этой болью, вспомнить, так даже страшно.

Больных тифом стало меньше, их перевели в городскую больницу. И меня из сыпно-тифозного отделения перевели в хирургическое отделение операционной санитаркой. А сестру отправили медсестрой в Козьмино, там начался сыпной тиф.

В июне тридцать первого года пришли палочники прямо в отделение больницы и схватили меня. Угнали в посёлок Панты. Я тогда уже по разрешению райкоменданта работала, врач Рудаков такое разрешение для меня выпросил. Даже на это не посмотрели.

В Пантах мы с Антоном Кураго на пару лес пилили. Норму давали, полную норму. Вот придёшь в лес, надо обтоптать дерево, кругом снег отгрести, подрубить. Спилим, надо обрубить сучки, раскряжевать и всё потом скучить.

Не знаю, откуда сила бралась, не знаю. Я никогда духом не падала, я ни на что не обижалась. Мне всегда было весело. Заставили нас делать ледник<sup>3</sup>. А в него палочники сажали в наказание самых беззащитных. Ледник льдом набивали, и в это помещение, на лёд, садили провинившихся. Мы его льдом набиваем, девки все стоят и плачут.

Пришел один гармонист, сам такой страшный-страшный, играет на гармошке, слону распустил. А я сзади его, знаете, так выплясываю, а сама хохочу. Девки так и закачались со смеху. Говорю:

– Девки, сейчас будем тут плясать на леднике...

А ведь голодные были... Вечером дадут тебе пятьсот граммов хлеба, разве выдержишь, чтоб его тут же не съесть! Утром встаёшь, надо на работу в лес идти, а есть нечего.

Июнь тридцать второго года был очень холодным, были дни, когда даже выпал снег. Очень много птичек погибло. Жили у нас там украинцы, так они подберут этих птичек, наденут на палку, на костре поджарят немного и едят. А мы нет, не могли. Мы лучше насобираем щавель, а птиц не могли есть.

Люди самых разных национальностей жили в посёлках, среди наших переселенцев даже латыши были. Вот у нас Карл Карлович был латыш, наш фельдшер. И в тридцать пятом кого только в посёлки не возили. Но никогда никакой вражды не было, и с евреями жили хорошо, и со всеми очень дружно жили.

Потом меня угнали в Чёжпаж, там тоже был лесопункт. Мы целую зиму лес рубили. Жила в общем бараке, мужчины и женщины спали на одних нарах. Никакой одежды не выдавали, всё было своё. Давали паёк: пятьсот граммов хлеба да столовую ложечку пшена. Иногда добавляли сахару малюсенький кусочек. Тем и жили только.

\* \* \*

Весной тридцать второго я ушла в Яренск, у меня уже не было никаких сил. Сестра тогда работала в Яренской больнице медсестрой. Комендант разрешил мне здесь жить. И на работу меня взяли: здесь обоз леспромхоз построили, стала вожчиком.

В те годы и в Яренске много переселенцев умирало. Время было очень голодное, вот и помирали. Мы возили дрова служащим леспромхоза. Поедешь в лес, смотришь: там покойник лежит, там покойник... Прямо ужас какой-то! Один мужчина просто здесь, у дороги сидел, опухший весь. Тут же и умер. Вот так умирали люди от голода!

Когда в тридцать пятом сюда привезли новых спецпереселенцев, я отвозила их в Панты и в Уктым. Привозили их семьями, как и нас, с детьми и стариками. Но всё же нам тогда было тяжелее. Их уже привезли сюда в готовые дома, а мы ведь всё это сами строили.

Один раз поехали втроем: два парня, один на одной лошади, другой на парке<sup>4</sup> и я тоже на парке. Доехали до Пантов, а мне пришлось ехать в Уктым. Это было конец сентября. Очень холодный был день, дождь лил сильный.

Доехала до Уктыма, вещи сгрузила. Там пришлось ждать, пока дождь перестанет. А в Пантах переезжали реку Яренгу вброд, и такая большая поднялась вода! А у нас же на родине ни озер, ни рек не было близко, я не имела понятия о реке.

Поехали мы обратно через три дня, три дня дожидались, не могли выехать. Такой холодный ветер, такой дождь, прямо чуть не со снегом.

Доехали до реки. Я доску положила на телегу, села на неё, чтоб повыше было. Доехала до середины Яреньги, у меня лошади стали захлебываться. А течение такое быстрое, страшное. У меня телега опрокинулась, и я оказалась в воде. Держусь крепко за вожжи, колеса телеги кверху. Как-то ещё догадалась телегу перевернуть колесами вниз, а сама держусь только за дышло и за лошадей, ноги почти не достают дна. И как перевернула телегу, так лошади до мелкого места добрались и за вожжи на берег меня вытащили.

А почти вся моя одежда так и утонула: когда садилась, и полушибок, и сапоги, и платок с головы – всё с себя сняла. Думала: если придется упасть в воду, то будет тяжело, не выплыну, утону. Осталась в одном ситцевом платье, тоненьком-тоненьком.

Вышла на берег, вся дрожу от холода. Один парень переправился. Второй поехал выше, у него лошади выскочили, а он с телегой остался посреди реки. Трактор пригнали, зацепили длинными веревками и вытащили телегу.

Выехали мы от поселка на бор, развели костер, стали греться и сушиться. Долго сушились, потом поехали до Яренска. Пока доехала, сорок пять-то километров, я так вся закоченела, что не могла даже сама слезть с телеги. А мама с сестрой жили тут, под берегом избушечка была. Я лошадь поставила, прибежала греться. Плачу и греюсь. Оделась, согрелась, только потом лошадь погнала на обоз.

И не заболела, всё как-то обошлось.

А местные очень хорошие люди были, очень сочувствовали нам. Ни на одного я не обижусь на местных, ни на одного. И доверяли нам.

Заведующий обозом был из Козьмино, так он меня дочкой звал. Куда посыпает ехать, говорил:

– Ты только остерегайся…

Леспромхоз насадил на лугу за Кижмой карточки очень много, а копать некому. Посыпали служащих леспромхоза. И он меня послал вместо себя, мы с женой директора леспромхоза Луговского работали: я откапывала, а она собирала. А за это какую-то часть урожая давали.

Я заработала десять мешков. Пришла и говорю:

– Идите получать картошку.

Говорит:

– Запрягай лошадь.

Я лошадь запрягла, он взял мешки, поехали. Везём картошку. Он сворачивает сюда, где мы живем. Я говорю:

– Ни за что не возьму. Это ваша картошка.

– Не разговаривай, у меня в Козьмино два огорода.



На снимках:  
До ссылки на Север, Мария Игнатьевна - стоит справа.  
Сестра Марии - Юлия Игнатьевна, во время учебы в гимназии.  
Мария Игнатьевна - стоит - и Юлия Игнатьевна Эрдман с матерью. Яренск, 1932 год.



Коллектив Яренской больницы,  
В первом ряду третий слева, в  
кожаном пальто - врач Николай  
Петрович Рудаков. 1931 год.

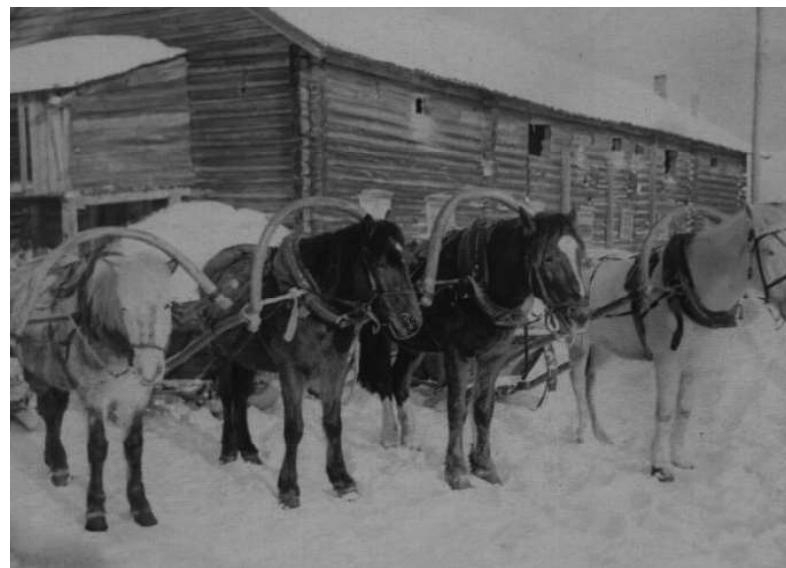


В центре - Мария Игнатьевна Прилуцкая, справа  
- Юлия Игнатьевна Эрдман.



Муж Марии Игнатьевны Иван Иванович Прилуцкий тоже был выслан в 1930 году в Ленский район.

На снимке: семья Прилуцких до ссылки, Иван Иванович стоит слева;



На обозе в Яренске.



Мария Игнатьевна и Иван Иванович Прилуцкие. Яренск, 1960-е годы.

*Фотографии из архива М.И. Прилуцкой.*



Мария Игнатьевна рассказывает членам клуба «Поиск» о жизни спецпоселенцев в посёлке Пантый. 1998 год.

*Фото О. Угрюмова.*

И привез всю картошку нам.

Очень хорошо относились. И коменданты разные были, меня ни один не обижал. Я с ними не спорила, всегда подчинялась, и они со мной были по-хорошему.

\* \* \*

Я уже работала в обозе, а сюда, в Яренск, должно было приехать какое-то начальство из НКВД. Ждали, что прилетят на самолетах. И надо было, чтобы оркестр их встречал. А играть некому: братья Добряковы сначала организовывали духовой оркестр, но их забрали в армию, и он распался.

Тогда решили собрать наших переселенцев, кто играет на музыкальных инструментах. Кто-то сказал в комендатуре, что я играю на гитаре.

Посылают за мной палочника:

– Тебя вызывает начальник НКВД, иди скорей.

Я иду и боюсь. Думаю: а вдруг он сейчас меня в лес отправит.

А это было летом, в июне. Он сидит в милиции внизу на окне. Увидел меня и смеется:

– Почему без инструмента идёшь?

Я удивилась:

– А какой надо инструмент?

– Гитару

И на меня это такое впечатление произвело, что я даже подпрыгнула.

А он, глядя на меня, хохочет:

– А где ты возьмешь гитару? Может, кто-то даст?

– Да, – киваю головой, – врач Петровых<sup>5</sup>, он мне всегда дает гитару.

Выпросила гитару, собрались мы, человек пятнадцать, в основном спецпереселенцы. Левин, работал бухгалтером в ОРСе, тоже переселенец, он на скрипке хорошо играл. А ведущим у нас был Олег Николаевич Тяпугин<sup>6</sup>. Он нами командовал, его брат тоже играл на мандолине.

Мы организовали струнный оркестр, ходили на берег встречать эти самолеты. Играли им здесь, пока они выступали на плацу. Они пошли в столовку, там им играли, вечером в кино пошли, там играли. А потом НКВД как задумают нас вечером в воскресенье послушать, так собирают всех к себе домой играть.

Нам НКВД сказали, что нужно играть. Марши разучивали, вальс «Дунайские волны», польку школьную... Играли много революционных песен: и «Смело, товарищи, в ногу», и «Вы жертвою пали...». А дома мы с сестрой пели старинные романсы, большие компании собирались у нас. Позже, в Доме пионеров у нас заведующая была Сидорова, начальника милиции жена. Такая женщина симпатичная, может, видели её на карточке